

О ЧЕМ МЕЧТАЮТ В РОССИИ?*

А.Л. АНДРЕЕВ

Коллективный менталитет любого общества, его способность развиваться в том или ином направлении во многом обусловлены особенностями целеполагания, выраженными в формах национальной мечты. Такие мечты являются *необходимым* источником социальных мотиваций и в этом плане существенно влияют на ход социально-исторических процессов. Однако их почти никогда не рассматривают как предмет социальной философии и теоретической социологии, отдавая этот вопрос на откуп политической публицистике.

Трудно найти человека, который не слышал бы об «американской мечте». Появилось и семантически близкое этому словосочетание «европейская мечта», и о сопоставлении этих двух понятий в последнее время были написаны специальные работы исследовательского характера¹. Не так давно в своей первой программной речи на сессии Всекитайского собрания народных представителей о «китайской мечте» как о ключевом элементе китайской стратегии развития говорил новый руководитель КНР Си Цзиньпин².

А есть ли своя собственная национальная мечта в России? И если есть, то какова она? На эти вопросы попыталась ответить группа исследователей из Института социологии РАН. Если рассуждения об американской, европейской, китайской мечте апеллируют в основном к политической публицистике, разного рода разрозненным наблюдениям и культурологическим интуициям, то российские ученые исходили из данных проведенного ими весной и летом 2012 г. тематически ориентированного всероссийского социологического опроса³. Сразу отметим, что подобных эмпирических исследований, посвященных американской, европейской, китайской или какой-либо еще коллективной мечте, насколько нам известно, не проводилось.

Исследование показало, что для большинства россиян на первом месте стоят их личные надежды и заветные желания. Прежде всего — жить в достатке, чтобы не приходилось считать копейки. В современных условиях такая расстановка приоритетов понятна. Однако уже на втором месте, наряду с личным (иметь хорошее здоровье), появляется и общественное: приблизительно треть опрошенных мечтают жить в *разумно устроенном, справедливом обществе*.

Но что такое, в их понимании, справедливость? Вопреки весьма распространенному мифу, который одно время тщательно культивиро-

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Креативные интеллектуальные среды: формирование, коммуникативная самоорганизация, закономерности развития», грант № 13-03-00187.

вался в некоторых СМИ, это вовсе не пресловутое «отнять и поделить». Напротив, большинство (около 60% опрошенных) придерживаются того мнения, что равенство возможностей важнее равенства доходов и условий жизни, а 70% полагают справедливым, когда у одних людей оказывается больше денег, чем у других, если только они имели одинаковые возможности их заработать. Тем не менее принятая ныне в России социально-экономическая модель мало кому представляется отвечающей принципу справедливости. В частности, около 83% наших сограждан считают, что различие доходов сейчас чрезмерно велико, приблизительно две трети убеждены в том, что россияне не получают за свой труд соответствующего их квалификации вознаграждения и приблизительно столько же не удовлетворены системой распределения благ.

Вряд ли приходится сомневаться в том, что все это создает немалый заряд социальной напряженности, имеющей притом специфически классовый оттенок. Если рассуждать с марксистских позиций, из этого должна была бы следовать всеобщая готовность идти на баррикады. Но связь между попоранной справедливостью и революционными порывами масс далеко не столь однозначна. Я хорошо помню, как в 1992 г. рассуждали многие активисты компартии: им казалось, что ответом на вопиющие эксцессы тогдашней приватизации может быть только неотвратимая буря народного гнева, против которой режим, с их точки зрения, никак не сможет устоять. Встречаясь с этими людьми позднее, я видел, что они искренне не могли понять, почему казавшееся им совершенно очевидным так и не произошло. А все дело в том, что отношение между объективными условиями жизни и политической позицией опосредствовано особыми ментальными репрезентациями действительности, в которых ключевая роль принадлежит образам различных проективных ситуаций, раздвигающих границы наличной реальности и претворяющих ее в некое «свое иное» (как мог бы сказать об этом Гегель). Обычно такие образы представляют собой некую утверждаемую данным индивидом «картину мира», существующую в его сознании в модальности мечты и задающую «смысловые координаты» его идентичности.

Представить коллективную мечту как *теоретический объект* не так просто. Ясно, что судить о массовых настроениях можно лишь опираясь на данные массовых опросов, а этот формат не приспособлен к решению подобных задач: даже эскизная прорисовка образа требует информационного ресурса, существенно превышающего информационный объем используемого в массовых опросах инструментария. Остается обходной путь — косвенное зондирование, которое и было использовано в обсуждаемом нами исследовании. Если нельзя представить на суд опрашиваемых некие воплощенные в наглядных образах гипотетические «проекты будущего» и выяснить, какие из них

могут быть квалифицированы как воплощения мечты, то можно, по крайней мере, использовать отложившиеся в сознании людей образы уже состоявшихся, проявивших свою реальную суть и коллективно пережитых социально-исторических ситуаций, попытавшись соотнести их с тем, о чем эти люди мечтают.

Итак, рассмотрим, как связана «русская мечта» с исторической памятью, с формирующими политическое сознание образами российской истории. Для понимания характера этой связи необходимо, прежде всего, учитывать, что русское самосознание на протяжении пяти столетий сохраняло отчетливо выраженный мессианский характер. Поэтому на роль общенациональной доминанты обычно выдвигались такие мечты и устремления, которые направляли Россию и русский народ на решение неких общемировых проблем. Эта черта национального менталитета в значительной мере сохраняется и сегодня. Во всяком случае, проведенное исследование дает основания утверждать, что более половины россиян в возрасте до 55 лет убеждены в том, что все события отечественной истории происходили «не просто так», и их следует рассматривать как служение России всему человечеству, причем эта пропорция «50/50» с минимальными отклонениями (не более 1 – 2%) воспроизводится во всех значимых социально-демографических группах.

Когда же на Руси жилось так хорошо и вольготно, что это время может рассматриваться если не как реализация народной мечты, то, по крайней мере, как приближение к ней? Конечно же, отвечая на данный вопрос, наши респонденты разошлись во мнениях. Почти треть из них ответила, что ни одна из эпох российской истории не соответствует их идеалам. Что же касается остальных, то распределение мнений среди них обнаружило весьма интересные тенденции. Проведенный опрос показал, что россияне отнюдь не склонны искать свои идеалы в далеком прошлом. Так, дореволюционная Российская империя кажется воплощением «русской мечты» лишь одному опрошенному из девяти, а революционная Россия (СССР) первых десятилетий советской власти — каждому двадцатому. Большинство же наших сограждан не заглядывает за горизонт того, что можно назвать *актуальной историей*. Это — события, непосредственно пережитые и переживаемые нынешними поколениями россиян: с одной стороны, текущий исторический период, а с другой — все еще сохраняющийся во впечатлениях миллионов людей драматический финал советской эпохи и последовавшие за ним реформы 1990-х гг. Общая доля респондентов, соотносящих свои идеалы с этой актуальной историей, составляет 52 – 53% опрошенных.

Однако не все промежутки актуальной истории для россиян одинаково привлекательны. Сохраняется достаточно сильная эмоциональная связь россиян с эпохой Брежнева, но она постепенно ослабевает. На-

звали брежневские времена воплощением «русской мечты» только 14% опрошенных. К перестройке же отношение по-прежнему сдержанное, а у многих и негативное. С этим периодом связывают свои идеалы только 4% опрошенных.

Если 10 — 15 лет назад россияне в три раза чаще отдавали предпочтение «золотой осени» советской власти, чем рынку и демократии, то в настоящее время они уже в 2,5 раза чаще выбирают современность. В 2000 г. только один человек из восьми считал, что лучшая жизнь началась в условиях рыночной экономики, а в 2012 г. уже практически треть поддержала мнение, что «русская мечта» наиболее полно воплотилась именно в этот продолжающийся и ныне период истории России. При этом, если оставить в стороне ритуальные формулы политкорректности, надо прямо признать, что мало кто вспоминает правление Б. Ельцина добрыми словами, и только 2% назвали это время воплощением своей мечты. Основная же масса тех, кто связывает свои надежды с рынком и демократией, имеет в виду период после 2000 г. — иначе говоря, «эру Путина». Такое мнение высказали примерно 32% опрошенных. Конечно, это не большинство (кстати, почти столько же участников опроса — 31% — вообще отказываются рассматривать какой-то конкретный исторический период как время реального воплощения «русской мечты»), но все же это *самый большой сегмент выборки*.

Такой результат во многом объясняет загадочную для некоторых российских и зарубежных политологов и политических публицистов проблему так называемого *путинского большинства*. Треть населения — это, несомненно, достаточно мощное электоральное ядро, которое не так уж трудно наращивать за счет разного рода колеблющихся элементов. Не надо, впрочем, думать, что «путинское большинство» — это люди, довольные тем, что происходит в стране. Напротив, в массе своей они настроены не менее критически, чем оппозиция. Другой вопрос, что его представители предпочитают стоять на почве фактически данных возможностей и, исходя из этого, иначе оценивают динамику складывающейся ситуации⁴.

Ностальгия по «развитому социализму» (и, отчасти, по перестройке) — это, конечно, преимущественно удел поколения, которое знает то время не понаслышке. Так, среди представителей старшей возрастной когорты (46 — 55 лет) это время считают воплощением «русской мечты» в пять раз чаще, чем в группе 16 — 25-летних и в три раза чаще, чем в следующей за ней возрастной категории 26 — 35 лет. Вероятно, поэтому доля респондентов, склонных идеализировать «эру Брежнева», обратно пропорциональна их активности в Интернете: если среди тех, кто пользуется Интернетом каждый день, она составляет всего 8%, то среди совсем им не пользующихся — в 3,5 раза больше. Отметим, что уровень соответствующих симпатий почти не зависит

от образования, но определенным образом коррелирует с социальным статусом и уровнем доходов, а именно: он в два раза повышается на самой низшей (первой) ступеньке социальной лестницы и в 2 — 3 раза падает на двух самых верхних ее ступенях. Впрочем, в промежутке между этими крайними точками распределение респондентов данного типа достаточно ровное и близкое к среднему по выборке значения данного индикатора (14%).

Чем же отличаются от них те, кто предпочитает и отдаленным историческим реминисценциям, и совсем еще недавнему прошлому зримые и осязаемые реалии сегодняшнего дня? В первую очередь это те россияне, кто практически не знал «другой жизни». Доля считающих, что современная Россия — это и есть воплощенная в жизнь «русская мечта», среди самых молодых (не старше 25 лет) респондентов достигает рекордной отметки 41%. Но в каждой последующей возрастной группе данный показатель теряет 5 — 6% и, в конце концов, опускается до 20%. Интересно, что склонность идеализировать современную эпоху мало зависит от уровня доходов (в группах, дифференцированных по этому показателю, значения соответствующего индикатора варьируются в очень узком коридоре 32 — 37%), но она резко снижается у респондентов, относящих себя к трем низшим статусным позициям, и возрастает на самой верхней (десятой) ступени социальной лестницы.

Ну а что можно сказать о тех, у кого «русская мечта» ассоциируется не столько с какими-то реалиями прошлого и настоящего, сколько с не реализовавшимися историческими альтернативами? Такую позицию, по данным проведенного исследования, занимает ни много ни мало, а почти треть опрошенных. Идеологический и социальный профиль этого сегмента населения выглядит довольно неопределенно. Наиболее ясно просматривается лишь то, что здесь несколько больше, чем в среднем по выборке, представлены жители крупных городов (но не мегаполисов!) и те, кто отнес себя ко второй и третьей ступеням социальной лестницы. Напротив, на высших ее ступенях число респондентов, считающих, что «русская мечта так до сих пор и не была реализована», заметно снижается (например, на высшей, десятой ступени их доля падает до 21%, тогда как в целом по выборке она составляет более чем 32%). Возможно, ценностные ориентации тех, для кого «русская мечта» все еще остается неосуществленной, можно интегрально охарактеризовать как леволиберальные. Впрочем, вопрос этот требует дополнительных исследований и более широкого обсуждения.

Разумеется, история, рассматриваемая «по периодам», — еще не вся история; она может быть представлена и «в лицах», причем при таком подходе образы истории в национальном самосознании выглядят несколько иначе, чем было показано выше. Если, принимая во внимание общие обстоятельства жизни, россияне склонны сближать мечту

и знакомые им жизненные реалии, то когда речь заходит о *персонификации* «русской мечты», они, наоборот, чаще всего вспоминают о деятелях более отдаленного прошлого. Самым любимым историческим героем наших соотечественников остается Петр I: более трети опрошенных считают, что он полнее и последовательнее всех остальных деятелей воплотил в себе «русскую мечту». В этом отношении он с большим отрывом опережает всех остальных деятелей российской истории. Так, следующая по популярности фигура — Екатерина II, но и она вызывает восхищение россиян в 2,5 раза реже, чем ее великий предшественник. Советские же лидеры не идут ни в какое сравнение, особенно номенклатурные выдвиженцы, какими были Хрущев, Брежнев, Горбачев, а в конечном итоге, также и Ельцин. Они не снискали себе в народе ни большой любви, ни большого уважения. Каждый из перечисленных политических лидеров 50 — 90-х гг. XX в. является кумиром лишь для 2% своих сограждан (Брежнев — для 4%).

На этом фоне результаты современных российских политиков смотрятся не так уж плохо — свыше 14%. Однако 9% из них следует отнести на счет всего одного человека — Путина. Интересно отметить, что в электорате Путина более четверти опрошенных связывают «русскую мечту» именно с действующими, современными политиками. А вот среди причисливших себя к электорату Зюганова, Жириновского, Прохорова или Миронова эту точку зрения поддерживает только один из каждых 11 — 12 опрошенных. Вместе с тем обращает на себя внимание то, что «эпоху Путина» связывают с «русской мечтой» в 3,5 раза чаще, чем с личностью самого Путина. Между прочим, точно такое же количественное соотношение существует между «эпохой Брежнева» и личностью самого Генерального секретаря ЦК КПСС.

В целом симпатии и антипатии к различным историческим фигурам и по статусным группам, и по возрастным когортам, и по типам поселений распределены довольно ровно, что говорит о достаточной гомогенности исторического сознания россиян. Как это ни странно, не слишком сильно варьируются соответствующие показатели и в зависимости от политических взглядов. Единственное исключение — Ленин: голосовавшие на президентских выборах за Зюганова называли его символом «русской мечты» почти в 2,5 раза чаще, чем в среднем по выборке. Однако и среди коммунистического электората Петр I значительно популярнее вождя пролетарской революции (36% опрошенных против 24%).

Полагаем, над этим было бы интересно задуматься. Вспомним: в эпоху Петра тоже созрела некая национальная мечта, выражением которой и стали инициированные им преобразования. В те времена она проявляла себя как стремление сравняться «честью» и «славой» с ведущими державами Европы. Сегодня такая терминология кажется архаичной, но если отвлечься от особенностей политического

дискурса XVIII в., не созвучна ли в чем-то эта мечта чаяниям многих граждан современной России? Безусловно, россияне хотели бы иметь достойный уровень жизни — «не хуже», чем в Европе, США, Японии. Но не «вообще» и не любой ценой. «Португальский» вариант благосостояния — совсем не то, о чем мечтают наши сограждане. В ходе проведенного нами исследования эта тема не затрагивалась, но имеющиеся в нашем распоряжении данные многолетнего социологического мониторинга показывают, что для россиян психологически и этически приемлема только такая социально-экономическая модель, в которой роль локомотива развития отводится науке и высоким технологиям.

Долгое время образцом, сочетающим в себе научно-технический прогресс с высоким уровнем благосостояния и признанием индивидуальных прав личности, для россиян выступал Запад. Это увлечение приняло формы своеобразного социального и политического мифа, в котором реальное щедро дополнялось воображаемым, и в силовом поле мифа Запад представлялся как «страна мечты». Это во многом объясняет продолжающуюся массовую миграцию россиян, причем не только высококлассных специалистов — им-то, честно говоря, действительно было невозможно работать в стране, которой вдруг стали не нужны ни наука, ни образование, ни собственные технологии, — но и представителей многих профессий средней или даже сравнительно не высокой квалификации, связанных с обслуживанием повседневных потребностей.

Прозападная идентичность стала еще и некой коллективной мечтой, которая в настоящее время существует в двух основных конкурирующих между собой вариантах — американском и европейском. Первый из них — это мечта об индивидуальном материальном успехе; в конечном счете, она сводится к тому, что любой энергичный и «ответственный» индивид может преуспеть, если будет много работать и проявлять изобретательность, рассчитывая при этом исключительно на самого себя. Все это, однако, не слишком согласуется с настроениями россиян, связывающих свои надежды на лучшую жизнь, прежде всего, с «соборным» государственным целеполаганием, ориентированным не на интересы отдельных социальных групп и слоев, и даже не на их согласование, а на общенародные задачи и цели. В подтверждение сошлемся на распределение мнений наших респондентов по вопросу о том, какие лозунги, принципы и политические формулы в наибольшей степени выражают их личную мечту о будущем России. Чаще всего на него отвечали так: «Социальная справедливость, равные права для всех и сильное государство, заботящееся о всех своих гражданах» (почти 45% полученных в ходе опроса ответов). Около 60% опрошенных согласились с тем, что государство должно отстаивать интересы *всего народа* перед интересами отдельных людей, а 71% признали необходимым усиление

роли государства во всех сферах жизни, и в том числе национализацию крупнейших предприятий и стратегически важных отраслей.

Но, может быть, затаенным чаяниям россиян отвечает другая мечта, воплотившаяся ныне в проекте Единой Европы? В отличие от американской мечты, она носит солидаристский характер и основана на специфической модели позитивного взаимодействия человека с другими людьми и природой⁵. Несомненно, для большинства россиян это привлекательнее «американской мечты». Но и так называемые *европейские идеалы* вряд ли полностью совпадают с устремлениями российского менталитета. Прежде всего, отметим, что в России довольно низок потенциал субсидиарности, которая играет важную роль в реализации европейского исторического проекта. Так, по данным проведенного исследования, только 9% респондентов ощущают чувство общности с людьми, живущими в том же населенном пункте, в той же местности (впрочем, чувство гражданской солидарности, а также сплоченность на почве общих взглядов еще слабее).

Еще одно различие — это твердая приверженность россиян идее «органической» общности в рамках национального государства. Как показывают данные ранее проводившихся исследований, наши сограждане не слишком стремятся с кем-либо объединяться, и в любом случае отдают в этом вопросе предпочтение близким им по культуре странам СНГ — Белоруссии, Украине и Казахстану⁶. Не случайно россияне с самого начала не были расположены к доминировавшей в Европе идеологии мультикультурализма и задолго до того, как ее недостаточная эффективность была признана рядом ведущих европейских лидеров, воспринимали ее как утопическую и благодушно наивную, мало согласующуюся с жесткими реалиями полиэтнического евразийского пространства.

Своеобразие российской мечты и наиболее характерных устремлений ее граждан во многом связано и с тем, что россияне — в большей степени индивидуалисты, чем европейцы. В этом они, в известном смысле, сближаются с американцами, хотя российский индивидуализм имеет несколько иную психологическую природу и иной оттенок. Ключевой вопрос: хотят ли наши респонденты быть полезными для общества или они предпочитают просто жить, как им хочется? При ответе мнения разделились почти поровну: 52% против 47%. В то же время почти три четверти опрошенных признались, что для них важнее всего собственное благополучие, и только четверть согласны поставить на первое место какую-то объединяющую всех значительную цель. Социальный мир современного россиянина — это замкнутый на себя «малый мир» его семьи и друзей, в несколько меньшей степени — коллег по работе. А вот «классовая солидарность» (с людьми того же достатка), которая важна для сплочения людей на защиту своих коллективных интересов, ощу-

шение близости с единомышленниками, с людьми, разделяющими тот же тип культуры, весьма незначительна.

При этом «русская мечта» принципиально расходится с установками западной культуры в понимании свободы. Свобода — одна из главных российских ценностей. Свыше двух третей наших респондентов считают, что без свободы жизнь теряет свой смысл, и только для трети важнее материальное благополучие, а свобода второстепенна. Но как показывают результаты неоднократно проводившихся опросов, быть свободным для человека русской культуры — совсем не то же, что для американца, немца или француза. В русском понимании речь идет о возможности «быть самому себе хозяином», о пресловутой русской «воле». При этом около 54% граждан страны в возрасте до 55 лет считают, что индивидуализм и либерализм западного типа России не подходят, для нее важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство. Но среди молодежи до 25 лет, а также наиболее состоятельных россиян (с уровнем дохода не менее чем в два раза выше медианы по данному типу поселения) позитивное отношение к западным ценностям даже на несколько процентных пунктов перевешивает негативные настроения, а в наиболее образованной части населения между этими двумя противоположными позициями в настоящее время установился приблизительный паритет. Такой же паритет зафиксирован среди жителей малых городов и городов областного масштаба. Не следует, однако, думать, что антизападные настроения — это удел депрессивных поселков и сельского населения. Как ни парадоксально это выглядит с позиций стандартной теории модернизации, такие настроения в той же или даже еще большей степени разделяет и население обеих российских столиц. Среди респондентов, проживающих в мегаполисах, доля считающих, что западные ценности и идеи не подходят для России, поднимается до 65%, а доля их оппонентов соответственно снижается приблизительно до 35%.

На протяжении первого десятилетия наступившего XXI в. России удалось преодолеть многие трудности, возникшие в результате распада СССР, смены общественного строя и последовавшего за этим разрушения экономики, социальной сферы и обороноспособности страны, а также катастрофической эрозии моральных ценностей и деградации культуры. Существующая с 2000 г. модель представляла собой своего рода социальный пакт между новой властью и населением страны, суть которого состояла в сохранении либерального социально-экономического курса в обмен на восстановление внешнеполитического статуса великой державы и усиление социальной защиты некоторых категорий населения.

Впрочем, наблюдающийся в стране начиная с осени 2011 г. рост политической напряженности наглядно продемонстрировал пределы этой модели, за которыми начинается нарастание социальной напря-

женности и появляется организованное протестное движение. Существует точка зрения, связывающая протестную волну осени 2011 — весны 2012 гг. с растущим недовольством некоего «креативного класса». Но ее трудно подтвердить реальными эмпирическими данными. В частности, некоторые социологические опросы, проводившиеся в 2011 — 2012 гг. в такой ключевой креативной среде, как научно-техническая интеллигенция (включая студенчество), показали, что *как социальная группа* она с этой протестной волной практически никак не связана⁷. Различные поколения научно-технической интеллигенции имеют свои претензии к проводимому в настоящее время курсу (главным образом, вследствие недоверия к уровню компетенции проводящих его менеджеров), но в целом они воспринимают перспективы проводимой ныне модернизации России с умеренным оптимизмом, и их настроения не обнаруживают того критического накала, который позволил бы говорить о принципиальной нелояльности этой креативной группы.

Конфликтогенность складывающейся сегодня ситуации состоит отнюдь не в противостоянии «креативных» групп и каких-то противящихся прогрессу сторонников стагнации и застоя. Проблему надо рассматривать в плоскости наложения в едином пространстве социальных структур, *принадлежащих как бы к различным социумам*. Наслоения идеологических спекуляций до сих пор скрывают от нас природу тех форм социальности, которые были выработаны в СССР в послевоенные десятилетия. Если расценивать существовавшую в то время систему как изжившую себя репрессивную утопию, то не остается ничего иного, как ее сломать. Но при таком подходе, на наш взгляд, происходит определенная подмена общественных отношений политическими, которые, разумеется, первыми бросаются в глаза, но далеко не всегда определяют собой суть социальных явлений. На самом же деле к концу существования советской системы в СССР сформировался особый тип социальности — «общество образования» с весьма специфической системой ценностей, жизненных ориентаций, и, в конечном счете, с определенной национальной мечтой. Мечтой отнюдь не бесплотной: ее импульсы материализовались в тех успехах, которые были достигнуты в 1950 — 1980-е гг. в сфере науки, техники и культуры.

Между тем после 1991 г. в ходе проводившихся реформ, в каком бы идеологическом оформлении они ни подавались, объективно производился демонтаж социального (и социокультурного) пространства «общества образования», а также форсированное замещение его структур структурами иного типа. Мечты, порожденные романтикой интеллектуального самоутверждения и соответствующими амбициями, вытеснялись мечтами самоутверждения потребительского (загородный коттедж, зарубежная недвижимость, дорогая иномарка и т.п.). Этот процесс, однако, проходил не без сопротивления и во второй по-

ловине 1990-х гг. вызвал кризис во взаимоотношениях власти и общества. К 2000 г. кризис разрешился сменой власти, принятием новых социальных моделей и частичной реставрацией старых ценностных матриц. Но это «обратное движение маятника» также не дошло до конца. В итоге получился некий довольно неопределенный результат, к которому вполне можно отнести известную поговорку «Ни вашим, ни нашим». Не «социальный кентавр», как иногда полагают, а просто встреча с трудом совмещающихся друг с другом социальных реальностей «общества образования» и финансово-бюрократического капитализма, в результате которой возникло совершенно специфическое явление удвоения некоторых социальных образований (например, можно говорить о наличии в стране двух средних классов, относящихся к этим разным типам социальности).

Да, многое в современной России не устраивает ее граждан. И все же в сложившейся социально-экономической и политической системе просматриваются некоторые зачатки того, к чему сознательно или бессознательно стремятся россияне, а способ сочетания и баланс заложенных в ней тенденций соответствуют их интуитивному ощущению должного. Если угодно, можно назвать это *чувством стартовой позиции*. Возможно, ключ к пониманию нашего будущего как раз и обнаруживается в плоскости вопроса о национальной мечте. Тот, кто сможет артикулировать эту мечту наилучшим образом, вероятно, в будущем получит большой шанс возглавить страну.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Rifkin J. The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream. – N. Y., 2004.

² Лю Юньшань. О «китайской мечте» // Китай. 2013. № 6.

³ Опрошено 1750 респондентов, проживающих в обоих российских мегаполисах и 20 других субъектах федерации. Сконструированная для целей данного исследования многоступенчатая районированная выборка репрезентирует социально-демографическую структуру населения в возрасте 16 – 55 лет.

⁴ См.: Шестопал Е.Б. Политическое лидерство в новых условиях: смена парадигмы восприятия // Полис. 2013. № 3.

⁵ См., например: Rifkin J. The European Dream...

⁶ Падение Берлинской стены: до и после. – М., 2010. С. 53.

⁷ Об этих исследованиях см. подробнее: Андреев А.Л. Возможности инновационной модернизации России глазами разных поколений научно-технической интеллигенции // Социологические исследования. 2013. № 4.

REFERENCES

Andreyev A.L. Vozmozhnosti innovatsionnoy modernizatsii Rossii glazami raznykh pololeniy nauchno-tekhnicheskoy intelligentsii // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2013. № 4.

Liu Yunshan. O «kitayskoy mechte» // Kitay. 2013. № 6.

Rifkin J. The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream. – N. Y., 2004.

Shestopal E.B. Politicheskoye liderstvo v novykh usloviyakh: smena paradigmy vospriyatiya // Polis. 2013. № 3.

Padeniye Berlinskoy steny: do i posle. – Moscow, 2010.

Аннотация

Статья знакомит читателя с результатами исследования, посвященного социально-философскому и социологическому анализу русской мечты, рассматриваемой в сопоставлении с ее зарубежными аналогами (американская мечта, европейская мечта, китайская мечта и т.д.). Исходя из данных эмпирической социологии показано, какие периоды отечественной истории и какие исторические персонажи в наибольшей степени воплощают в себе коллективную мечту россиян.

Ключевые слова: национальный менталитет, массовое сознание, русская мечта, российский социум, историческая личность, идеал, ценности.

Summary

The article introduces the reader to the results of the sociological analysis of the Russian dream in comparison with its foreign analogs (the American dream, the European dream, the Chinese dream, etc.). Empirical research has shown the periods in Russian history and historical characters most representative of the collective dream of Russians.

Keywords: national mentality, mass consciousness, the Russian dream, the Russian society, historical characters, ideals, values.